

ИДЕОЛОГИЯ КИБЕРПРОСТРАНСТВА

В. Н. Первушина

Государственный университет правосудия, Центральный филиал

С. Н. Хуторной

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 2 апреля 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается влияние киберпространства на современную демократию и особенности идеологии киберпространства, представляющей собой единство идей анархизма и либертарианизма.

Ключевые слова: киберпространство, электронная демократия, цифровой либертарианизм, анархизм, либертарианизм.

Abstract: the article is dealt with the problem of influence of cyberspace on the modern democracy and the special features of ideology of cyberspace, representing the unity of anarchism and libertarianism.

Key words: cyberspace, electronic democracy, digital libertarianism, anarchism, libertarianism.

Переход от индустриального к постиндустриальному информационному обществу ознаменовал развитие информационных технологий, актуализировал ценностный политеизм и причудливое сочетание индивидуализма и коммьюнитаристских ценностей. Открытость киберпространства приводит к трансформации политических институтов, демократии и делает прозрачными любые действия властей.

Традиционные представления о демократии не могут быть экстраполированы на общества, трансформирующиеся в условиях глобализации, дигитализации (*digital* в пер. с англ. означает «цифровой») и постиндустриализма.

В результате быстрого развертывания современных информационных технологий встал вопрос о влиянии Интернета на демократические институты, их сущность и направление их изменений. Природа электронной демократии как новой, компьютерно-опосредованной формы политической коммуникации, специфика «электронного правительства» как системы интерактивного взаимодействия государства и граждан при помощи Интернета, новая модель государственного управления, преобразующая отношения граждан и властных структур, также стали предметом пристального внимания исследователей.

На вопрос о влиянии киберпространства на демократические процессы существуют разные точки зрения. Одна из них заключается в признании новой формы символической политики, т. е. целенаправленного создания видимости политических действий организованным коллективом и каждым в отдельности реципиентом социальной коммуникации [1].

Фактически речь идет о пассивном участии в политике, состоящем в заинтересованном наблюдении за происходящим при помощи СМИ.

Смысл этого символического поведения заключается в симуляции политической ответственности, в стремлении превратить власть в политический сервис, а политическое участие – в форму развлечения. Так, американские ученые К. Хилл и Дж. Хьюз отмечают: «Интернет не меняет людей, он просто позволяет им делать то же самое по-другому...» [2, p. 157]. «Демократия в киберпространстве» (например, обсуждение политических проблем в Интернете) не означает демократии в реальном мире, полагают указанные авторы. Активность в киберпространстве часто «отгорожена от остальной жизни». Обсуждение политических дел в Интернете не часто приводит к политической активности в реальной жизни.

Отечественные исследователи придерживаются иной точки зрения. Так, А. Шадрин полагает, что лучшие перспективы в России имеет использование интернет-технологий для дальнейшего расширения возможностей существующей системы представительной демократии и развития процессов так называемой «электронной демократизации». Ее основной смысл заключается в использовании интернет-технологий: для расширения доступа избирателей и СМИ к законотворческой деятельности; снижения издержек по формированию ассоциаций и объединений избирателей; повышения эффективности обратных связей между избирателями и их представителями в законодательных органах власти [3].

Авторы статьи придерживаются той же точки зрения и считают, что киберпространство существенно повлияло на демократизацию общества, изменило соотношение в связке «власть – народ», способствовало формированию гражданского общества с его беспрецедентным давлением на власть. Следует отметить, что понятия «дигитальная демократия», «электронное правительство», влияние киберпространства на властные структуры общества и становление институтов гражданского общества стали предметом анализа представителей как отечественного обществознания, так и зарубежных исследователей [4–6].

Киберпространство создает сетевое общество с разнообразием информационных потоков в политической сфере, включая негосударственные организации транснационального характера, которые «неизбежно демократизируют устоявшийся порядок правления власти» [7, с. 73]. Мощные сетевые потоки представляют разнообразные интересы и социальные позиции, становящиеся тотчас же достоянием мировой общественности. Именно сетевое сообщество, с его новым видом коммуникации, способствовало формированию «делиберативной демократии» (Ю. Хабермас)

Киберпространство и адекватное ему сетевое сообщество содержит огромный делиберативный потенциал, который можно использовать для формирования межкультурного понимания в глобальном контексте, осознания значимости гражданских прав и ответственности, развития партисипаторной глобальной демократии в решении социальных проблем и проблем окружающей среды.

Наличие дигитальной связи позволяет людям не просто быть массой, а осознать себя связанным пространством и временем на основе сформированных единых интересов. На наш взгляд, всеобщее интернет-пространство, используемое на разных уровнях: от публичных (правительственные и общественные организации) до частных, – позволяет соединить сельские и городские территории для обсуждения как региональных, так и глобальных проблем. По существу, это – первый шаг к созданию глобальной демократии.

Киберпространство и электронная демократия способствовали формированию своеобразной идеологии (разделяемое ценностно-смысловое видение мира) сетевого общества – дигитального либертарианизма. Р. И. Вылков отмечает три доминанты, присущие данной идеологии: непримиримый гедонизм, эскапизм от повседневной жизни и традиционное мистическое желание трансцендировать границы чувственного бытия [8, с. 16]. Нам представляется, что идеология киберпространства не ограничивается этими составляющими, поскольку становление дигитального либертарианизма отражает тенденцию роста «суверенного личного решения». Само наличие киберпространства требует *«безусловной суверенной свободы»*, связанной с личным выбором [9], так как особенности интерактивного общения расширяют творческие возможности пользователя. Особенно это проявляется в сфере искусства, когда благодаря сетевому общению возможны создания интерактивных инсталляций, монохромных фотографий и т. п. *Вопрос о свободе предстает уже не как извечный, а как вопрос, касающийся каждого.*

Обратимся к истокам формирования современного либертарианизма. На наш взгляд, современный либертарианизм представляет собой синтез основных идей анархизма и классического либерализма. При всём многообразии теоретических конфигураций анархизма (анархосиндикализм, анархо-коммунизм, анархо-индивидуализм и др.) и его методологических оснований, определяющих постулаты анархистской идеологии, можно выделить следующие основополагающие принципы: *антиэтатизм* и мощную *либертарианскую* составляющую. Свобода личности, ее саморазвитие признаются в анархизме основной целью социального развития и прогресса: это «есть единственное завоевание, к которому следует стремиться» [10, с. 45] и которое представляет собой единственное средство от личных и социальных болезней. Французский анархист П. Ж. Прудон с присущим ему пафосом подвергал критике государственную власть, представительную демократию, бюрократию, продажную журналистику; подчеркивал несовместимость свободы печати с системой централизованной власти. Государственная власть «не желает вовсе считать себя шайкой наемников, которых вербуют промышленники за известную плату» [там же, с. 325]. Сближают позиции анархизма и классического либерализма следующие идеи анархизма: *признание свободы «как единственно образующего принципа политической и экономической организации общества»* [11, с. 275]; отсюда признание *абсолютной свободы совести* (у М. Бакунина каждый обла-

дает неограниченным правом строить своим богам храмы и содержать свое духовенство); *«безграничная свобода печати, пропаганды, слова и собраний»; абсолютная свобода союзов; отождествление свободы, порядка и единства, не мыслимого без противоречий, протеста и борьбы* [10, с. 180]. Либеральная идея «спонтанного порядка» в анархизме приобретает следующую формулу: *порядок есть анархия, подразумеваемая под ней не хаос, беспорядок и т. п., а осознание личности своих интересов и их согласование с остальными членами сообщества*. Вместо ограниченного правительства, предложенного классическим либерализмом, анархисты выдвигают идею децентрализации государственного управления и предлагают в качестве политической организации общества федерализм. Что касается положения либерализма о правовом обществе, то анархисты (П. Прудон, М. Бакунин) противопоставляют договор взаимности, действующий в разных сферах человеческой жизнедеятельности – семейной, экономической (продажа, покупка, собственность, страхование, труд, всякая сделка), образовательной [там же, с. 161], либеральной концепции общественного договора. Автономная община наряду с правом самоуправления имеет возможность издавать собственные законы (М. Бакунин). И современные анархисты (криптоанархисты) предлагают местным чиновникам, разрешающим конфликты, передавать полномочия саморегулирующим организациям. Церквям позволено устанавливать религиозное право. Клубы и общественные организации должны определять свои правила в широких пределах [12]. В перспективе анархисты признают тройное братство людей в разуме, труде и свободе как основе демократии будущего (М. Бакунин). Экономическая и политическая организация социальной жизни, согласно анархистам, должна исходить не от центра к периферии, а снизу вверх и от периферии к центру, по принципу свободной ассоциации и федерации. Поскольку политические и экономические свободы не совместимы с системой централизации, договор взаимности действует и в сфере экономики, представляющей собой отношения, складывающиеся между добровольными ассоциациями. Современный анархизм (М. Ротбард) признает свободу рынка, который организован на основе коммерческой конкуренции свободных ассоциаций и благотворительных организаций. Организованное таким образом экономическое пространство позволит избавиться от диктата рынка.

Д. Боуз в своем исследовании «Либертарианство: история, принципы, политика» [13] детально анализирует ключевые идеи либерализма, (впоследствии трансформировавшегося в либертарианизм). Основные принципы либерализма, с его идеями неотчуждаемых прав человека на свободу, жизнь и собственность, были сформулированы еще Дж. Локком, А. Смитом, Т. Джефферсоном и др. Носителем естественного права выступал обособленный субъект действия, преследующий свои интересы. Свобода, жизнь и собственность выступают основой правового порядка, эмансипирующего характера, т. е. законодательство не запрещает, а разрешает. Соответственно, целью закона выступало не огра-

ничение, а сохранение и расширение свободы. Свобода, по Дж. Локку, состояла в том, чтобы человек не испытывал ограничения и насилия со стороны других. А для этого необходимо наличие закона. В противном случае человек не будет иметь возможности распоряжаться собой, как ему хочется.

Основные идеи либерализма заключаются в следующем: *индивидуализм*, сочетаемый с признанием достоинства человека. Человек обладает высшей ценностью. Нет оправданий, позволяющих пожертвовать одним человеком ради других [14, с. 57]; *признание неотчуждаемых прав человека*. Человек от рождения наделен естественным правом на жизнь, собственность и свободу; *наличие «спонтанного порядка» и «ограниченного правительства»* [13, с. 19]. Здесь имеется в виду то, что порядок в обществе не устанавливается сверху, авторитарно. Власть должна быть сама ограничена. Власть есть «нанятый менеджер». Порядок в обществе осуществляется спонтанно, т. е. через действия множества людей, координирующих свои действия. Благодаря координации действий создаются основные институты гражданского общества [10, с. 183]; *признание приоритета права*. У Дж. Локка наиболее отчетливо прослеживается правовое измерение свободы. Человек свободен следовать своему собственному желанию «во всех случаях, когда это не запрещено законом» [15, с. 275]. Это предвосхитило западноевропейскую трактовку свободы: *разрешено всё, что не запрещено законом; экономическая необходимость свободного рынка; религиозная терпимость*. По существу провозглашенная свобода совести в настоящий момент времени превращается в то, что можно назвать приватизацией религии, т. е. выбор религиозных предпочтений является делом личного вкуса, частного мнения (идеи обмена проникают и в сферу религии). «Свободная торговля» должна быть и в религии. Религии, огражденные от политического вмешательства, но в основном представленные сами себе, скорее всего окажутся сильнее и живучее, чем церковь, получающая поддержку от государства [13, с. 122–123]; *рациональность*, достигаемая с помощью образования [16, с. 177].

Как мы видим, основные идеи анархизма и либерализма совпадают; можно отметить их неразрывное единство.

Во-первых – *антиэтатистская позиция*, идущая у русских анархистов (М. Бакунин, П. Кропоткин) от славянофилов (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. и И. С. Аксаковы и др.). По Кропоткину, государство абсолютно противоположно обществу, ибо оно (государство) обладает монополией на промышленность, торговлю, финансы, позволяющей группам предпринимателей и финансовым дельцам быстро накапливать громадные богатства. Согласно теоретику русского анархизма, будущее человеческой цивилизации связано с обществом без государства и развитием «свободных союзов для всевозможных целей» [17, с. 35, 55]. Рост образованности граждан и гражданской активности заменит собой вмешательство правительства, поэтому постепенно будет исчезать потребность в парламентаризме.

Анархо-либертарианизм в западной литературе в лице Р. Нозика, Н. Хомского, М. Ротбарда и других тоже отличается антиэтатистским подходом, правда, несколько иного плана, например у Р. Нозика. Последний рассматривает теорию справедливости в контексте теории прав собственности. Государство должно быть «минимальным». Минимальное государство – «это максимальное государство, существование которого может быть оправдано». Оно не должно препятствовать свободной деятельности как добровольных сообществ, так и отдельных индивидов в разных сферах. Существование государства, обладающего большими полномочиями или возможностями, чем минимальное государство, не является ни легитимным, ни оправданным [14, с. 78, 193]. Антиэтатистская направленность в большей степени присуща работам М. Ротбарда.

Во-вторых – *идея свободы*, положенная в основание экономической, социальной и политической жизни как у анархистов, так и у представителей классического либерализма. Либертарианско-бунтарское начало особенно присуще научно-публицистической деятельности М. Бакунина и его революционной практике. Оно проявлялось в его атеизме, неприятии государства, вольнодумстве, праве на бунт суверенной личности.

Свобода в анархизме понимается как отсутствие принуждения, насилия по отношению к личности, признание ее автономности, свободной воли и социально-индивидуальной ответственности. *Без такой свободы демократия превращается в игру в демократию.*

Казалось бы, эта формула свободы совпадает с пониманием свободы в классическом либерализме, но либеральная трактовка осмысливает эту формулу несколько иначе. Моя свобода ограничена другой свободой рамками права, между тем как анархисты признавали свободу «истинной и полной только в целостной взаимосвязи каждого и всех» [11, с. 273]. Кроме того, теоретиков анархизма не устраивал индивидуализм либеральной доктрины, поскольку разделенными на атомы массами легче управлять. В такой социальной организации утрачивается и провозглашенная индивидуальная свобода. Поэтому у анархистов индивидуальная свобода связана с коллективной. Основой социального поля должны быть свободные союзы свободных личностей, ибо «уважать свободу ближнего есть обязанность, любить его, служить ему есть добродетель» [там же, с. 275]. Полная свобода у анархистов не трансформируется в своеволие по одной причине: саморазвитие и самореализация личности связаны с либертарной этикой сотрудничества, взаимопомощи и солидарности, признанием человеческой совести основой справедливости.

У классического либерализма и его преемника либертарианства моральным основанием является этика утилитаризма, в которой благотворительность признается одной из важнейших моральных добродетелей. Поэтому благотворительность, взаимопомощь (создание самоуправляемых обществ взаимопомощи) входят в идеологическую программу либертарианства в качестве моральных ценностей [14, с. 32–36].

В рамках политической философии либертарианство, безусловно, основывается на идеях классического либерализма. Следует отметить, что

либеральная аргументация либертарианизма в большей степени ограничивает роль государства и защищает свободу личности, чем классический либерализм [13, с. 28–29]. Государство не должно использовать аппарат принуждения ради того, чтобы заставлять одних граждан помогать другим, и не должно запрещать какие-либо виды действий людей ради их блага или их защиты. Либертарианская позиция требует для каждого свободу поступать так, как решит каждый отдельный человек (отношение к абортам, прослушиванию телефонных разговоров, азартным играм, наркотическим средствам). Поэтому позиции современного либертарианизма и анархизма настолько сблизились, что правомерно, на наш взгляд, говорить о конвенгерции либертарианизма и анархизма, т. е. анархистско-либертарианской идеологии.

Показательна в этом отношении позиция М. Ротбарда. Его взгляды – это рассуждения либертарианиста и анархиста одновременно. Цель анархо-либертарианизма – реализация свободы и ликвидация этатизма (уменьшение налогов или их полная отмена, сокращение власти или активности государства). Нравственный императив анархо-либертарианства – разгосударствление (правительство должно уйти из всех сфер жизни общества). Государство является «паразитом и врагом общества», создающим правящую элиту, господствующую над всеми и получающую доход с помощью принуждения. Ротбард настроен оптимистически в плане утверждения анархо-либертарианской свободы, поскольку в условиях развитой экономики она является жизненной необходимостью, поэтому борьба с несправедливостью, отсутствием свободы и нарушениями прав человека является актуальной. И то правительство, которое практикует подслушивание, подглядывание, «игры» с наркотиками, агентами-провокаторами и даже убийствами, является источником угрозы для личной свободы и частной собственности [18, с. 121]. Государственная власть должна быть децентрализована. Систему государственного вмешательства необходимо свести к минимуму.

Отметим, что мы не касаемся детального анализа разногласий между анархистами и либертарианцами по отношению к праву, собственности, рыночной экономике, так как это выходит за рамки статьи. Нас интересуют те схожие идейные позиции, которые позволили анархизму и либертарианству сблизиться и составить единое содержание идеологии киберпространства.

В-третьих, помимо идей антиэтатизма и свободы, *идея о добровольных сообществах как субстанции социальной организации общества* объединяет и анархизм и либертарианизм.

П. Кропоткин настолько убежден в потенциале сообществ свободных и равных людей, что отдает им приоритет в защите социального порядка. Он уверен, что они лучше полиции, сыщиков и тюрем будут в состоянии защитить себя от «вредных поступков отдельных личностей». То, что Кропоткин называет анархизмом, есть по существу выражение той тенденции, которая была им замечена в социально-историческом развитии. Она проявлялась в создании общественных организаций, не

зависимых от государства, «возникших среди народа» (деревенские общины, средневековые цеха, движения гуситов и анабаптистов – предтеча протестантской Реформации и др.), послуживших основой в дальнейшем для формирования гражданского общества. Должно быть народное self-government.

Анархизм, по Кропоткину, есть «организация жизни», самодостаточное общество, движущими силами которого являются солидарность и смелая инициатива каждого [19]. Опасность в социальной жизни исходит от обособленности, атомизации общества, инертности людей.

По существу, в ключевых произведениях П. Кропоткина основная идея заключается в следующем: необходимо давление на власть со стороны низов, точнее организаций, образованных благодаря творчеству масс для того, чтобы перейти к безгосударственному самоуправлению. У Прудона политическая свобода невозможна без децентрализации управления. Функционирование общественной жизни возможно только на основе согласования интересов свободных личностей. Это и есть анархия. Государство должно быть заменено обществом кооперации и федерализма, основанным на делегировании выборных лиц снизу вверх, количество которых незначительно и постоянно убывает, ибо общество есть совокупность автономных личностей, общин, местностей, функционирующая на основе самоуправления и согласования действий.

Современный либертарианизм преодолевает индивидуализм классического либерализма и подчеркивает значимость коммьюнитаристских ценностей. Индивид вправе, «будучи уверенным в неприкосновенности своей личности и собственности», вступать в добровольные ассоциации и объединения (типа профессиональных, соседских ассоциаций, религиозных или этнических объединений, музыкальных и театральных групп и т. п.), связанные общностью интересов и ориентированные на выполнение взаимных обязательств, что, безусловно, способствует становлению гражданского общества. Индивидуальная свобода при условии свободного экономического рынка неизбежно соединена с добровольным сотрудничеством, что несовместимо с централизованным руководством, сопряженным с государственным принуждением [20]. Р. Нозик критикует взгляды анархистов на тотальное отрицание государства, но в остальных своих рассуждениях он и другие представители либертарианизма следуют логике анархистов. Так, у Нозика добровольные сообщества составляют основу социальной организации социума.

Современный анархизм отличается большим разнообразием, чем классический: феминистский анархизм, зеленый анархизм, анархо-капитализм, либертарный социализм, криптоанархизм и т. д. Но он сохраняет основные постулаты классического анархизма – антиэтатизм, свобода от принуждения и насилия, свобода добровольных объединений, включающих такие социально-нравственные правила общежития, как взаимопомощь, солидарность, равенство. Криптоанархизм, возникший с появлением киберпространства, подтверждает заявленное нами по-

ложение о конвергенции анархизма и либертарианизма, образовавшей идеологию дигитального либертарианизма.

В работе «Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии» отмечается, что с появлением киберпространства не только возрос интересам к идеям анархизма, но стала достижимой и даже неизбежной реализация его идеалов. Это обусловлено следующими причинами. Киберпространство является одним из факторов, способствующих глобализации, порождающих тенденцию к стиранию географических границ национальных государств. Возникает иллюзия формирования единого человечества, воплощающая мечту М. Бакунина об образовании «...свободной федерации индивидов в провинции, провинции в нации, наконец, этих последних в Соединенные Штаты сначала Европы, а затем всего мира» [21, с. 19].

Дж. П. Барлоу опубликовал манифест «Декларация независимости киберпространства» – весьма эпатажный документ, в котором анонсируется независимость киберпространства от государственной власти, подчеркивается отсутствие морального права правительства и любых форм принуждения управлять киберпространством. В «Декларации...» отмечается безграничность киберпространства, куда есть доступ любому, независимо от расы, экономического могущества, военной силы. Киберпространство есть место абсолютной свободы, в которой каждый может выразить свою точку зрения, высказать политические и культурные идеи, какими бы сумасбродными они ни были, не опасаясь давления со стороны любых авторитетов. Единственное правило, которому подчиняется киберпространство, – это золотое правило нравственности, воплощающее справедливость, осознанный личный интерес и общественную пользу. Киберпространство есть цивилизация разума, гуманизма и справедливости. Под этими положениями подписался бы любой анархист [22].

Тимоти Мэй опубликовал манифест криптоанархиста [23], в котором отмечается (по аналогии с Манифестом Коммунистической партии К. Маркса), что призрак бродит, но уже не по Европе, а по всему миру, – призрак криптоанархии, явившейся следствием введения компьютерных технологий. Киберпространство изменило характер взаимодействия (сетевое общение), которое невозможно отследить из-за многократных изменений зашифрованных маршрутов. Большее значение в коммерческих киберсделках приобретает уже репутация, нежели оценка кредитоспособности. Это приведет, по мнению Т. Мэя, к изменению характера государственного регулирования, способности взимать налоги и контролировать отношения в экономике, хранить информацию и т. п.

В он-лайновом сообществе реифицируются идеи либертарианизма и анархизма, приведшие к объединению «новых левых с новыми правыми», с их антиэтатистской направленностью, актуализацией свободы и коммьюнитаристских ценностей [24]; «коллективный характер нового информационного общества становится всё более и более очевидным».

Киберпространство органично вписалось в современную культуру [там же, с. 352], выступая необходимым условием глобализации современной цивилизации, формирования прозрачности и открытости социальных отношений. Это способствует осмыслению и активному выступлению против конфликтов разного уровня и рода, а также пропаганде не удобной для властей «идеи обеспечения взаимной ответственности», реализуя ее распространение в пределах мировой цивилизации. Все эти факторы манифестируют увеличение личной свободы и «ослабления силы государства» [12], что, в конечном счете, приводит к дальнейшему развитию гражданского общества.

Наличие киберпространства как ведущего посредника глобальной коммуникации усилило приватность автономной свободы, что позволило заговорить об особой форме анархо-либертарианизма – дигитальном либертарианизме, поскольку специфика Интернета как медиума (изменение традиционных способов и методов получения информации, специфические модели коммуникации, нивелирование социальной иерархии пользователей и т. д.) создает подобную форму. Существование киберпространства и адекватной ему идеологии приводит к *десакрализации власти. Власть теряет «ореол святости»* (достаточно почитать комментарии по поводу законов, принимаемых властями, действий властей, реакции общества на предвыборную кампанию во Франции и т. д.). Открывается путь к публичности государственной политики, диалогу и сотрудничеству власти и общества, прямой демократии. Кроме того, создается возможность для активизации всех институтов гражданского общества, роста инициативы «снизу» (феномен «WikiLeaks»).

Таким образом, киберпространство усиливает основные черты анархо-либертарианизма в сторону признания *суверенной свободы* и *абсолютной свободы мысли* (вместо прежней политической репрезентации создается возможность открыть свои веб-сайты); происходит приватизация публичного медиапространства; усиливаются горизонтальные связи между участниками дигитальной коммуникации, приводящей к образованию «союза анархистов, умных, автономных людей» (А. Илличевский), уважающих друг друга и участвующих в совместных действиях. Формируется образование новых структурных элементов социального целого, переосмысливаются его цели и задачи, отпадает необходимость в жесткой структурной предзаданности, создаются возможности в формировании вариативных моделей социального устройства, изменении места и роли человека в обществе. В целом, наблюдается тенденция к интенсивности лабильности социального континуума.

Литература

1. Поцелуев С. Г. Символическая политика : констелляция понятий для подхода к проблеме / С. Г. Поцелуев // ПОЛИС. – 1999. – № 5. – С. 62–76.
2. Hill Kevin A. Cyberpolitics : Citizen Activism in the Age of the Internet / Kevin A. Hill, John E. Hughes. – Oxford : Rowman and Littlefield Publishers Inc., 1998. – 250 p.

3. *Шадрин А.* Трансформация политических институтов и переход к информационному обществу / А. Шадрин. – Режим доступа: [http://www.gallup.spb.ru/journal/arc Mve/journal12/i2rsl.html](http://www.gallup.spb.ru/journal/arc/Mve/journal12/i2rsl.html)

4. *Browning G.* Electronic Democracy : Using the Internet to Influence Politics. Wilton CT, Online Inc. 1996.

5. *Crossman L. K.* The Electronic Republic ; Reshaping Democracy in the Information Age / L. K. Crossman. – N. Y. : Viking, 1995.

6. *Citizenship & Democracy in a Global Era / ed. by A. Vandenberg.* – London : Deakin University, 2000.

7. *Назарчук А. В.* Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61–76.

8. *Вылков Р. И.* Киберпространство как социокультурный феномен, продукт технологического творчества и проектная идея : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Р. И. Вылков. – Екатеринбург, 2009. – 24 с.

9. *Гройс Б.* Религия в эпоху дигитальной репродукции / Б. Гройс. – Режим доступа: <http://gtmarket/laboratory/expeeritize/2009/2630>

10. *Прудон П. Ж.* Французская демократия. Размышления об анархизме : пер с фр. / П. Ж. Прудон ; под ред. Н. К. Михайловского. – М. : КРАСАНД, 2011. – 408 с.

11. *Бакунин М. А.* Избранные философские сочинения и письма / М. А. Бакунин. – М. : Мысль, 1987. – 573 с.

12. *Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии / под ред П. Ладлоу.* – Екатеринбург : Ультра. Культура, 2005. – 600 с. – Режим доступа : <http://www.marsexx.ru/lit/cryptoanarchy.html>

13. *Боуз Д.* Либертарианство : история, принципы, политика / Д. Боуз. – Челябинск, 2004. – 294 с.

14. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия / Р. Нозик. – М. : ИРИСЭН, 2008. – 403 с.

15. *Локк Дж.* Соч. : в 3 т. / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1998. – Т. 3. – 668 с.

16. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира / И. Валлерстайн // Социология XXI века. – М. : Логос, 2003. – 368 с.

17. *Кропоткин П. А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия / П. А. Кропоткин. – М. : Правда, 1990. – 638 с.

18. *Ротбард М.* К новой свободе / М. Ротбард. – М. : Новое изд-во, 2009. – 308 с.

19. *Кропоткин П. А.* Избранные труды / П. А. Кропоткин. – М. : РОС-СПЭН, 2010. – 896 с.

20. *Фридман М.* О свободе. Полифакт – Референдум / М. Фридман, Ф. Хайек. – Минск, 1990. – 131 с.

21. *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика / М. А. Бакунин. – М. : Правда, 1989. – 621 с.

22. *Барлоу Дж. П.* Декларация независимости киберпространства. § 2 / Дж. П. Барлоу // Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии / под ред П. Ладлоу. – Екатеринбург : Ультра. Культура, 2005. – 600 с.

23. *Тимоти Мэй.* Манифест криптоанархиста / Мэй Тимоти. – Режим доступа: <http://www.marsexx.ru/lit/cryptoanarchy.html>

24. *Дэри М.* Скорость убегания : киберкультура на рубеже веков / М. Дэри. – Режим доступа: <http://www.masexx.ru/fit/deryscape.html>

Государственный университет правосудия, центральный филиал

Первушина В. Н., доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

E-mail: VeraValen47@yandex.ru

Тел.: 8(473)249-00-56

Воронежский государственный технический университет

Хуторной С. Н., кандидат философских наук, преподаватель факультета среднего профессионального образования

E-mail: thut1960@mail.ru

Тел.: 8(473)277-42-12

State University of Justice, Central Branch

Pervushina V. N., Doctor of Philosophy, Professor of Humanities and Social-Economical Disciplines of the Department

E-mail: VeraValen47@yandex.ru

Tel.: 8(473)249-00-56

Voronezh State Technical University

Khutornoy S. N., Candidate of Philosophy, Lecturer of Secondary Vocational Education

E-mail: thut1960@mail.ru

Tel.: 8(473)277-42-12